

АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ

ПОЕЗД УБИРАЕТСЯ В ТУПИК

Тормоза отказали

Страна как после Мамая. А между тем власти только и делают, что “улучшают управляемость”, “укрепляют вертикаль”, а попросту говоря, закручивают гайки. Недавно Госдума наделила дополнительными правами ФСБ. На очереди – закон о полиции.

Наиболее широкие полномочия сосредоточены на вершине властной пирамиды. В 90-е годы оппозиция утверждала, что президент Ельцин обладает властью, которой не имел ни один царь или генсек. Что же ей сказать теперь?

Но она молчит: влияние оппозиционных партий сведено до минимума. Выборный механизм исправно обеспечивает “нужный результат” (см. исследование В. Смирнова “Аферы на выборах”. М., 2008). Но и это “баловство” вытесняется из политического обихода: губернаторские выборы отменены, нанятые “сити-менеджеры” все чаще заменяют избранных населением мэров.

Фактически полнота власти находится в руках тандема, главенствующая роль в котором до сих пор принадлежит Владимиру Путину. Он раздает поручения не только министрам, но и главам регионов, выступает перед национальной аудиторией по наиболее важным вопросам, его рейтинг опережает президентский.

Путин слывет сторонником жестких методов правления, воплощением “сильной руки”. Это представление, или лучше сказать – мифология, возникло после того, как на заре своей политической карьеры он пообещал “замочить в сортире” кавказских террористов, взорвавших дома в Москве осенью 1999 года.

Показательны результаты первого социологического опроса, зафиксировавшего стремительный рост популярности ВВП. Он был проведен в октябре 1999-го. Респондентам задали 16 вопросов, чтобы выявить, что привлекает их в Путине. Большинство опрошенных не смогли ответить на них. “Дальновидным” его назвали 6%, “честным, порядочным” – те же 6. “Принципиальным” – чуть больше – 9%. И уж совсем мизерный процент ответивших считал, что “он знает жизнь, понимает нужды простых людей” – 4.

Однако по трем пунктам Путин набрал высокие баллы. Привожу по возрастающей: “это человек, который может навести порядок в стране” – 21%; “поддерживаю его политику в отношении Чечни” – 24%; “это энергичный, решительный, волевой человек” – 41% (“Мир за неделю”, 30.10–06.11.1999).

Одиннадцать лет спустя россияне выделили те же качества Путина. 31% участников опроса, проведенного летом 2010 года, отметили его “сильный характер” (“Независимая газета”, 22.07.2010).

Комментировать этот результат можно по-разному. С одной стороны, отсутствует прогресс. За одиннадцать лет и народ мог бы больше узнать о своем лидере, и лидер – о народе. Между тем, понимание “нужд простых людей” и сегодня не входит в число достоинств премьера. С другой – поразительна устойчивость представлений о нем как о сильном человеке.

Как бы то ни было, население ценит в “национальном лидере” именно силу. И судить о его деятельности следует прежде всего исходя из этого критерия.

К слову, как выясняется ныне, явление Путина народу не было спонтанным. Продвижение Владимира Владимировича на высоты политической власти, где ему предстояло привлечь к себе внимание электората, осуществлялось планомерно и определялось данными закрытых опросов общественного мнения.

Об этом в минувшем году рассказал журнал “Коммерсантъ-власть”. Еще весной 1999 года издание заказало сразу двум социологическим службам – ВЦИОМу и “Ромиру” – проведение любопытного исследования. “Респондентам был задан вопрос: за кого из киногероев вы проголосовали бы на президентских выборах? – рассказывает сотрудник журнала. – Наш замысел был прост – раз уж граждане не способны вычленить некие абстрактные президентские качества, то им надо предложить выбрать между героями популярных фильмов, каждый из которых представляет собой цельный художественный образ” (“Власть”, № 30, 2009). Лидерами голосования стали сотрудники силовых органов – Глеб Жеглов и Штирлиц.

Конечно, с нами обошлись, как с идиотами. Или скажу мягче – как с детьми. По мнению заказчиков опроса, электорат не способен “вычленить президентские качества”. Поэтому ему показали “картинки”: ткну пальцем, какая больше нравится.

Признаем: мы дали основания для такого отношения. Люди уже тогда стали отмахиваться от осознанного выбора: “Не грузите!” Я разобрал этот комплекс “усталости от политики” в работе “Возвращение масс” (“Наш современник”, № 2, 2008).

Но в данном случае важно не это, а вектор полусознанных симпатий и ожиданий общества. Он указывал на сотрудников спецслужб.

Замеры общественного мнения проводились за кулисами. Но и широкая аудитория подвергалась своеобразному зондажу. Помните слухи, упорно ходившие в 90-е годы, будто всемогущий КГБ специально допустил крушение СССР, чтобы выявить всех врагов государства, после чего чекисты возьмут управление страной в свои руки и покарают предателей?

Еще Иван Бунин в “Окаянных днях” с обостренной писательской интуицией высказал догадку, что слухи распространяются спецслужбами для прощупывания общественного мнения. Скорее всего, и слух о чекистах, которые “вернутся и спасут страну”, исходил из того же источника.

В конце главы мы обсудим вопрос: насколько оправданы надежды общества на Штирлица и его ведомство. А пока зафиксируем: Путина выдвинули в ответ на запрос населения, отчаянно желавшего восстановления порядка.

Надо признать, Владимир Владимирович сумел талантливо войти в роль. Чего стоит его озорная (и в то же время точно просчитанная) эскапада на встрече с ветеранами разведки в Ясенево: “Группа сотрудников ФСБ, направленная вами в командировку под прикрытием правительства, на первом этапе со своими задачами справляется” (цит. по: “Завтра”, № 33, 2009).

Миллионы людей, желавших “пришествия Штирлица”, буквально взвыли от восторга: “Вот он!” Полагаю, довольна была и Семья. Ставку сделали на находчивого исполнителя.

С годами путинский миф трансформировался, выйдя далеко за рамки чекистской матрицы. К слову сказать, вовремя. Скандал вокруг дела о “Трех китах” и китайской контрабанде перессорил бывших чекистов (см. памятную статью тогдашнего главы ФСКН Виктора Черкесова “Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев” – “Коммерсантъ”, 09.10.2007). Открывшиеся подробности сильно скомпрометиро-

вали Лубянку. Однако основа обновленного образа осталась прежней: сильный человек, способный решить проблемы России.

Как пел Юрий Шевчук:

*Путин едет по стране
На серебряном коне.
Путин всем людям поможет —
Дай здоровья ему, Боже!
Всех бандитов перебьет,
Работягам он нальет,
Все построит и починит,
Если надо — лично двинет
Он борцовскою рукой...*

(“МК”, 31.08.2010).

Путин везде и всюду. Беседует с погорельцами, катит на желтой “Калине” по забайкальскому тракту, “борцовскою рукой” посылает гарпун в кита. Фантастическая активность!

К сожалению, она не заменят главного: порядка в стране как не было, так и нет. И с каждым днем ситуация становится все тревожней. Для этого не надо перечитывать предыдущие главы моей работы (хотя в них приведены факты поистине убийственные!). Достаточно включить телевизор или заглянуть в газету.

Вот что не так давно писала влиятельная “НГ”: “Почти 11 лет теракты терроризируют народ. И все это время власть обещает “найти и уничтожить”. Произошло многократное увеличение финансирования спецслужб, убито много боевиков и их вожаков. Но ведь опять взрывают! Опять гибнут невинные люди!” (“Независимая газета”, 02.04.2010).

Население раз уверилось в способности руководства страны навести порядок. Сразу после теракта в метро ВЦИОМ обнародовал данные последнего ежегодного исследования отношения россиян к борьбе с терроризмом. Подчеркну — оно проводилось до трагедии, точнее — череды трагедий, которыми отмечен 2010 год. Однако и тогда пессимисты преобладали. 61% опрошенных опасался стать жертвой теракта (это число — отмечали эксперты — устойчиво растет все последние годы). 37% полагали, что власть “не сможет обезопасить граждан” (годом ранее так считало всего 19%). В то же время с 66% до 49% сократилось число тех, кто продолжал надеяться на “сильную руку” в правительстве (“Время новостей”, 31.03.2010).

Говоря о событиях и тенденциях текущего года, политолог Н. Петров отмечает: они ставят под вопрос “миф о Владимире Путине как о человеке, который спас нацию и который знает, как решить проблему Кавказа” (“Независимая газета”, 01.04.2010).

Анализ мер, принятых властью после взрывов, показывает: сомнения в способности “сильной руки” переломить ситуацию обоснованны.

Не решен элементарный вопрос: контроль над пассажиропотоком с Кавказа. Сразу после терактов в метро в МВД объявили о “сто процентном досмотре всех пассажиров из Северо-Кавказского региона” (цит. по: “Комсомольская правда”, 07.04.2010). Корреспондент “Комсомолки” решил на собственном опыте убедиться, как осуществляется контроль. Он проехал по маршруту, которым, как предполагается, ехали террористки. Причем отправился в путь без паспорта (точнее, спрятав его).

Повествование не лишено занимательности. “Первая проверка ждала нас на посту ДПС при въезде в Волгоград. Когда нас остановили, водитель поднялся на второй этаж автобуса и стал собирать паспорта. Я соврал, что у меня его нет. Водила не удивился, только спросил:

— Как же ты в Москву без паспорта? На первом же углу остановят...

Я отмахнулся:

— Отмажусь!”

Милиционеры, проверявшие паспорта, не заметили, что одного не хватает. Так же формально осмотрели автобус: “На обследование огромного “Неоплана” ушло не больше минуты. Вещи пассажиров трясти не стали”.

“Впереди еще был не один пост, – рассказывает журналист, – но нас больше не беспокоили проверки. Пару раз водитель ходил к гаишникам с пакетами паспортов. Те их проглядывали и отпускали. Вот, собственно, и все усиленные меры безопасности” (“Комсомольская правда”, 07.04.2010).

Даже такое ЧП, как взрывы в столице, не смогло сподвигнуть милиционеров на исполнение прямых обязанностей, а заодно и распоряжений их собственного руководства.

Тот же “праздник непослушания” наблюдался и после дикой выходки майора Евсюкова. Последовавшая отставка главы столичного ГУВД наверняка переполошила милицейское начальство. Можно представить, как каждое утро оно устраивало накачку подчиненным: смотрите, без выкрутасов! в порошок сотру!

И несмотря на это, чуть ли не ежедневно стражи порядка умудрялись не просто нарушить закон, а совершить какой-то из ряда вон выходящий проступок: коллективное изнасилование, похищение бизнесмена. А уж случаев садистских издевательств над задержанными или наездов на пешеходов – не счесть.

Но ведь начальство распорядилось! А плевали они на начальство.

И так во всем! Не исполняются распоряжения, идущие с самого верха. На это не раз жаловались и Медведев, и Путин. Дошло до того, что начальник контрольного управления администрации президента предложил законодательно обязать чиновников исполнять поручения главы государства... Хорошо хоть, у Медведева хватило здравого смысла не дать хода этой инициативе. Президент напомнил, что исполнение поручений начальства само собой разумеется – “вытекает из субординации государственной власти” (“Время новостей”, 08.07.2010).

“Разбор полетов” происходил в начале года. Но уже 21 июня к вопросу пришлось вернуться. Поручения по-прежнему не исполняются (там же).

“Центр постепенно теряет рычаги контроля”, – отмечают эксперты (“Независимая газета”, 24.11.2009). Власть жмет на тормоза, но громоздкая государственная машина продолжает движение. Тормоза отказали!

В конечном счете сам Путин, в течение десяти лет выстраивавший “вертикаль власти”, вынужден был констатировать ее неработоспособность. Отметив, что в стране насчитывается 25 тысяч госучреждений, премьер посетовал: “Эффективно управлять ими, контролировать деятельность очень сложно, а зачастую просто невозможно” (“Независимая газета”, 21.07.2009).

Да мы и сами видим, Владимир Владимирович! Знаете ли, те, кто сидит в последнем вагоне, особенно болезненно ощущают толчки раскатившегося, потерявшего управление состава. Того и гляди, слетим с колеи!

По уму следовало бы признать очевидное. А заодно посоветоваться с народом: как не допустить беды. К сожалению, начальство выбрало другой вариант. Нас уверяют: “Все хорошо, все под контролем”.

Так возвестил “национальный лидер” во время автопробега Хабаровск–Чита. На вопрос корреспондента, не хотелось бы ему что-то “подправить”, премьер безапелляционно бросил: “Нет!” (“Коммерсантъ”, 30.08.2010).

То же звучало в последней “тронной” речи перед окончанием президентского срока: “Я не вижу никаких серьезных неудач. Все поставленные цели достигнуты, все поставленные задачи выполнены” (“Известия”, 15.02.2008).

Это ПОЗИЦИЯ.

Конечно, и в 2008-м нерешенных проблем хватало. Но тогда нефть стоила 150 долл. за баррель! Можно было рассчитывать, что этого хватит для поддержания работоспособности Системы.

Но сегодня никто не поручится и за цену в 70 долларов! Бюджет дефицитный. Инфраструктура разваливается, а вкладываться в нее у государства нет средств.

Однако Владимир Владимирович, как явствует из интервью “Коммерсанту”, готов оправдать даже то, что и в “тучные годы” в развитие экономики не вкладывались. И то, что не стимулировали спрос. Все правильно. Все “путем”.

У Тима Гайтнера и Бена Бернанке от этих ответов, наверное, последние волосы на голове встанут дыбом. В Америке все делается с точностью до наоборот. Там насыщают экономику деньгами, стимулируют ее рост. Резонно полагая, что работающая экономика ценнее любой монетарной стабильности. Если экономика заработает, будет и

стабильность, и развитие. А если предприятия завалятся набор, а обнищавшее население не сможет покупать их продукцию, то пресловутая стабильность окажется синонимом мертвого покая.

По итогам восьми месяцев 2010 года отечественные эксперты заговорили о стагфляции. Это стагнация, помноженная на инфляцию. Почти не поддающаяся лечению хворь.

Но довольно об экономике. Не хлебом единым живет страна. И Путин доволен тем, как она живет. Удовлетворен и собственной работой, и деятельностью преемника. Сразу по возвращении из Забайкалья, в начале сентября, премьер встретился с западными корреспондентами из клуба “Валдай”. Отвечая на вопрос о тандеме, он разъяснил: “Каждый из нас занимается своим делом, и, на мой взгляд, делаем это эффективно” (“Коммерсантъ”, 07.09.2010).

Куда ни кинь – все замечательно!

Такой оптимизм понятен: кто же из руководителей поставит себе за работу “двойку”? Однако громко декларированный на фоне происходящего в стране оптимизм этот выглядит едва ли не кощунственным.

Интервью корреспонденту “Коммерсанта” Путин дал 27 августа. С участниками клуба “Валдай” встретился 6 сентября. Посмотрим, что происходило в стране в эти дни.

27.08. В море Лаптевых затонул буксир “Алексей Кулаковский”. Он спешил на помощь другому терпящему бедствие российскому судну. 11 моряков утонули.

28.08. В Москве четверо милиционеров по заказу бизнесмена похитили коммерсанта. Эксперты утверждают: от 20 до 30% сотрудников МВД связаны с криминалом (“Постскриптум”, ТВЦ, 18.09.2010).

29.08. В Чечне боевики напали на родовое гнездо клана Кадыровых – селение Центорой. Убито 5 и ранено 17 милиционеров, пострадали 7 гражданских лиц. Ответным огнем уничтожены 12 боевиков.

29.08. В Миассе около 100 налетчиков напали на слушателей рок-фестиваля. Людей избивали битами, стреляли из травматического оружия. Милиция бездействовала. Тяжело пострадали не менее 20 человек.

29.08. В Казани взрыв на подстанции “Ленинская”. Обрушилась стена здания. 80 тыс. горожан без света. Авария стала третьей за вторую половину августа – после питерского блэкаута, оставившего без света половину Северной столицы, и другой – менее масштабной – в том же Санкт-Петербурге. В начале сентября пожар на электроподстанции в Москве. Реформированная Чубайсом энергетика разваливается на глазах.

31.08. В Москве на Триумфальной площади милиция в очередной раз разогнала митинг активистов, призывающих власти уважать российскую Конституцию. Задержано 103 человека. Председатель подкомитета Европарламента по правам человека Хайди Хаутала, наблюдавшая за происходящим, заявила: “Это невообразимо. Мы поражены тем, как милиционеры нарушают Конституцию. Мы поражены тем, с какой жестокостью они действуют” (“МК”, 01.09.2010).

31.08. Трое милиционеров похитили и в течение суток насиловали гражданку Белоруссии. Международный скандал.

31.08. А тем временем в Москве налетчики захватили здание Следственного комитета по Московской области, блокировали охранника и обыскали 25 сейфов. По утверждениям СМИ, официально не подтвержденным, похищено несколько уголовных дел.

01.09. В Санкт-Петербурге обрушились перекрытия восьмиэтажного дома, где располагается Главное следственное управление при ГУВД. Один пострадавший.

02–03.09. Пожары в Поволжье (Волгоградская, Самарская, Саратовская, Пензенская области). Около 1 000 домов сгорело. 8 погибших, 28 пострадавших. Аналитики констатировали: “Назначенные президентом и “Единой Россией” губернаторы в чрезвычайной ситуации оказываются неспособными обеспечить контроль над вверенными им территориями” (“Независимая газета”, 06.09.2010).

04.09. В Махачкале покушение на министра национальной политики Дагестана. Водитель министра погиб, он сам и два охранника ранены.

05.09. В Буйнакске (Дагестан) террорист-смертник на машине прорвал-

ся в распоряжение 136-й мотострелковой бригады. Четыре военнослужащих погибли, более 30 ранено.

05.09. Массовая драка на рок-концерте в Москве. Три пострадавших.

Далее расписывать происшествия по дням не имеет смысла: не хватит места. Отмечу лишь наиболее существенные события сентября-октября: теракт на рынке во Владикавказе (18 убитых, свыше 200 пострадавших); подрыв смертника во время спецоперации в Махачкале (40 раненых); теракт под Каспийском (16 раненых); подрыв автомобиля у милицейского лагеря в Хасавюрте (1 погибший, 12 раненых); пожары в Сибири и в Центральной России.

В политической сфере выделю увольнение Ю. Лужкова, которое (как бы ни относиться к отставленному градоначальнику) выявило фиктивность всех демократических достижений постсоветской России: независимости суда, свободы прессы, самодостаточности бизнеса, а заодно выборности властей – основы демократического устройства.

Среди других эпизодов упомяну фантастическую по наглости выходку сына чеченского богача Супьяна Тарамова, устроившего сеанс экстремального вождения у могилы Неизвестного солдата в Александровском саду. Акция, безусловно имеющая политическое звучание, сравнимая разве что с приземлением М. Руста на Красной площади. Газеты задалась вопросом: “А если бы это был... террорист? Внедорожник, начиненный взрывчаткой, да еще под стенами Кремля, представить жутко” (“Российская газета”, 14.10.2010).

То, что нельзя исключать и самые невероятные сценарии, доказывает нападение чеченских боевиков на здание республиканского парламента в Грозном: 3 погибших, 17 раненых (NEWSru.com от 20.10.2010).

Вам нравится такая Россия, г-н Путин?

Интервью премьера вызвало немало откликов в прессе – от “МК” до газеты “Завтра”. Преподъявлялись претензии – зачастую прямо противоположные. Но главная высказана не была! При Путине ведомственная аббревиатура МЧС превратилась в самое употребляемое слово русского языка.

Конечно, катастрофы, теракты, массовые побоища происходят и в других странах. Но не все это разом – и не каждый же день!

Могут сказать: и все-таки даже такая опасная для жизни Россия – это наша Родина.

Не собираюсь отречься. Россия для меня не просто место проживания. Но именно потому, что она мне дорога, я хочу изменить ее. Бережно, ответственно, сверяясь с традициями, но – изменить. Кардинально. И таких, как я, не десятки, не тысячи – миллионы. Даже наша в оба глаза глядящая на власть статистика утверждает: к участию в протестных действиях готовы 21% (“Коммерсантъ”, 30.10.2008). Каждый пятый!

А Путин стремится оставить все как есть. Законсервировать страну. Даже модернизацию его партия умудрилась переиначить в “консервативную” (консервативная модернизация – словосочетание столь же нелепое, как суверенная демократия!).

Что такое – законсервировать нынешний развал? Это значит, что взрывы как гремели, так и будут греметь. В 2004-м, после теракта на “Автозаводской”, казалось, что подземный ужас ушел навсегда. А он вернулся. Пожары как полыхали, так и будут полыхать. В 2002-м, глотнув свежего воздуха после жизни в дыму, москвичи решили, что огненный смог не вернется. А он снова в Москве. Корабли будут тонуть, самолеты падать, здания рушиться.

Разумеется, руководители страны не хотят трагедий. Но если оставить все, как есть, трагедии будут повторяться. Потому что сохранятся условия, их порождающие.

Понятно, проблемы и беды, с которыми сталкиваются простые смертные, лично “национального лидера” не касаются. Если он и выезжает на встречи с пострадавшими, то в машине с климат-контролем и с бесчисленными степенями защиты.

Вспоминается анекдот советских еще времен: “Наш лозунг: “Все для блага человека, все во имя человека”. И я даже видел этого человека”...

Действительно, при таком раскладе зачем что-либо менять?

На вопрос, заданный корреспондентами, “грядут ли перестановки в правительстве”, Путин ответил одним словом: “Зачем?” (“МК”, 04.12.2009).

Даже министр спорта В. Мутко, лично виновный в оглушительном провале российских олимпийцев в Ванкувере и к тому же уличенный в нецелевом расходовании средств (см. доклад Счетной палаты), сохранил свой пост. “Благодаря заступничеству Владимира Путина”, – уточняют журналисты (“Московская правда”, 03.08.2010).

Даже глава МВД Р. Нургалиев после бойни, устроенной майором Евсюковым, и десятков скандалов, связанных с сотрудниками его ведомства, остался в кресле. “Ходили слухи”, – сообщает “МК”, что против отставки Нургалиева “возражает Путин” (“МК”, 06.09.2010).

А Рамзан Кадыров и вовсе удостоился публичной похвалы премьера: “Чечня в надежных руках” (“Время новостей”, 07.09.2010).

Экое упорство! Противоборство не только с фактами, логикой политического развития, но и с законами бытия. Сказано: “В одну воду нельзя войти дважды”. А тут стремление остановить течение вод!

Единственное, что вносит досадный диссонанс в застывшую картину – политическая оппозиция. Она требует перемен. По мнению премьера, идти у нее на поводу смертельно опасно: “Если цель в том, чтобы власть пошла на уступки, и она пойдет, то найдется другой повод для провокации (рядка моя. – А. К.), вот в чем все дело. И это будет продолжаться бесконечно” (“Коммерсантъ”, 30.08.2010).

Комментаторы, оживленно обсуждавшие интервью, это высказывание упустили. А оно столь же показательно, сколь и деструктивно. Особенно в связи с первым постулатом – о безусловной правоте самого Путина. Он всегда прав, а оппозиция (между прочим, нередко выражающая мнение всего народа) не права. Всегда. Ее инициативы премьер склонен рассматривать как “провокации”.

Это схема конфликта с обществом! Ничего хорошего не сулящая ни обществу, ни самой власти.

...Вспоминаю трагикомические сетования эстонского телеоператора, вместе с которым освещал празднование 9 Мая в Таллине. С неподражаемым прибалтийским акцентом он поведал о последнем разговоре с женой: “Я спросил: “Разве может быть так, что один – всегда прав, а другой всегда не прав?” Она ответила: “Не может. Но есть одно исключение: я и ты”.

“Мы развелись”, – меланхолично подытожил бедняга.

Оставалось лишь посочувствовать: жить с человеком, который всегда прав, наверное, и впрямь невозможно...

Для оппозиции – неправой по определению – у “национального лидера” припасено эффективно действующее средство. Из интервью в “Коммерсанте”: “...Наши оппоненты выступают за правовое государство. Что такое правовое государство? Это соблюдение действующего законодательства. Что говорит действующее законодательство о марше? Нужно получить разрешение местных органов власти. Получили? Идите и демонстрируйте. Если нет – не имеете права. Вышли, не имея права, – получите по башке глубиной. Ну вот и все!” (“Коммерсантъ”, 30.09.2010).

Это заявление вызвало бурный отклик. Причем не только в России, но и за рубежом. В подтверждение своей правоты Владимир Владимирович сослался на мировую практику. Немецкий журналист Ш. Штольц взялся объяснить, как действует в данном случае законодательство в его стране: “В Германии... закон о собраниях требует лишь, чтобы организатор митинга за 48 часов до его начала уведомил об этом местные власти. И все. Разрешения не нужно. А если народ по конкретному поводу собрался стихийно, чтобы высказать свое мнение, даже необходимость в уведомлении отпадает. Люди, неважно, с чем они согласны или не согласны, имеют право демонстрировать свою точку зрения в любом месте страны, ее столице, кроме определенной зоны безопасности вокруг парламента и памятников жертвам фашизма” (“МК”, 06.09.2010).

Незнание западного законодательства российскому лидеру проственно. Но отечественное ему полагалось бы знать. 31-я статья Конституции РФ наделяет граждан теми же правами и свободами, что и конституции государств западноевропейских. “Возникает вопрос, – осторожно обозначили проблему аналитики, – насколько информирован премьер о законодательстве страны, все-таки предоставляющем право ее гражданам собираться мирно и без оружия, уведомляя заранее вла-

сти о своих намерениях и месте сбора?” (“Независимая газета”, 07.09.2010).

А ведь Владимир Владимирович еще недавно был президентом – гарантом Конституции. Знать ее текст, понимать дух и уж тем более соблюдать ее он обязан.

Но кто же напомним об этом? Для ближнего окружения слово начальника – закон. Оппозиция? С ней объясняются только с позиции силы.

И это не просто логический вывод из сказанного премьером. Силые ведомства разрабатывают сразу несколько законопроектов, которые позволяли бы им “отоваривать”, как выразился Владимир Владимирович, оппонентов по полной! В начале сентября 2010 года глава ГУВД Москвы призвал серьезно ужесточить наказание за участие в несанкционированных акциях. Газеты прокомментировали: “Оппозиции предложено сесть в тюрьму” (“Коммерсантъ”, 08.09.2010).

ФСБ пошла еще дальше. Она предложила ввести ответственность за “неверие в способность государства защитить своих граждан” (“Время новостей”, 27.04.2010).

Казалось бы, лучший способ неверие преодолеть – добиться перелома в войне с террором. Убежден, общество единодушно приветствовало бы успех своих защитников. Ведь сегодня, спускаясь в столичную подземку, проходя мимо милиционеров с собаками, натасканными на поиск взрывчатки, каждый невольно задумывается: удастся ли благополучно вернуться домой.

Все мы искренне желаем спецслужбам победы над террором. А они пытаются выговорить себе право наказывать нас – не за действия, а за сомнения в их профессионализме!

И то – контролировать законопослушных граждан легче, чем террористов...

Но и в обществе силен запрос на насилие. Конечно, обыватель формулирует его иначе, чем власть. Та хочет еще больше ограничить в правах, “прижучить” рядового гражданина. А он мечтает о том, что власть оградит его от террористов и от бандитов, обуздает произвол чиновников и богачей.

Устремления различаются по сути, но близки по видимости. Что позволяет верхам играть на кажущейся близости интересов. В результате идея легитимации насилия сегодня весьма популярна.

Вот декларация ведущего оппозиционера С. Белковского в газете “Завтра”: “Государство Российское для его постоянного, всегдашнего обитателя – не друг и не родственник, не отец и не мать... А – строгий учитель” (“Завтра”, № 32, 2009).

Далее – вдохновенный гимн “педагогическому” насилию: “Только подавляющей волей учителя мы сможем стать людьми. Мы не то чтобы любим учителя, даже подчас ненавидим его. Но мы признаем его право принуждать и подавлять нас... Ведь если бы не острая указка и грубая линейка учителя, его угрожающий взгляд и тамтамовый голос, мы никогда не проснулись бы до рассвета. Мы расползлись бы в наших просторах и растворились бы в чужой истории. От учителя мы ждем не снисхождения и доброты, но победительно-го насилия, берущего верх над нашим органическим нежеланием трудиться и просвещаться” (там же).

Переведа дух, процитирую заявление из противоположного лагеря.

Выступая на международном форуме в Ярославле, разрекламированном как трибуна российского либерализма, один из лидеров “Единой России” А. Исаев изрек: “У России нет опыта демократической модернизации. Вся модернизация проходила у нас под петровской палкой” (“Время новостей”, 11.09.2010).

Иными словами, оппозиция и власть предлагают нам либо острую указку учителя, либо петровскую палку. Выбор небогатый.

Понимаю условность образа, предложенного г-ном Белковским. И все-таки учителя у него, видимо, были не из лучших. Я запомнил совсем других наставников. Дитмара Розенталя, автора хрестоматийного учебника русского языка, у которого учился в Московском университете. Эдуарда Бабаева, друга Анны Ахматовой, тонкого знатока русской поэзии. У них не было ни “угрожающего взгляда”, ни “острой указки” и говорили они тихо. Но мы в слу-

ш и в а л и с ь в каждое слово, потому что их лекции были и н т е р е с н ы м и . Они, да простится мне банальный оборот, обогащали нас знаниями.

Я сознательно называю известных лекторов, которых мне посчастливилось слушать в университете. Но и среди безвестных школьных преподавателей были не менее достойные люди. С тем же набором б а з о в ы х характеристик: способностью увлечь ученика и дать ему знания.

Мы спешили на их уроки в зимних утренних сумерках не потому, что боялись выговора за опоздание. Нам было интересно! Да, боялись и мы. Но чего? — огорчить наставника, ненароком причинить ему боль, не оправдать доверия.

Именно такие Учителя формируют Человека. А те держиморды, о которых пафосно повествует Белковский, способны разве что с л о м а т ь характер, лишить (порою на всю жизнь) ученика чувства собственного достоинства, смелости, инициативности. Всего того, что входит в понятие гражданина.

Может быть, именно потому, что им не повезло с учителями, Белковский и Исаев плохо знают отечественную историю. Хотя в случае с Исаевым это странно, — среди его преподавателей был выдающийся историк и талантливый педагог Аполлон Кузьмин. Аполлон Григорьевич долгие годы являлся членом редколлегии “Нашего современника”, и я (вместе с тысячами читателей) имел возможность оценить его глубочайшие познания и мастерство рассказчика.

К несчастью, ничего кроме “петровской палки” г-н Исаев из тех уроков, похоже, не вынес. Конечно, палка (у Петра — дубинка) — деталь, западающая в память. А главное — аргумент весомый! Петровская модернизация, действительно, не обошлась без насилия. Тяжесть его дубинки, по свидетельству современников, доводилось извещать даже ближайшему сподвижнику — светлейшему князю Александру Меншикову.

Но разве она была г л а в н ы м аргументом? Петр, поднявший “Алексашку”, как презрительно именовали его бояре, с низов общества, прозорливо почувствовал в нем энергию действия, талант руководителя и с ум е л у в л е ч ь за собой в деле преобразования России.

Автор обстоятельной книги о светлейшем Николай Павленко отмечает: “Одна из граней дарования Петра Великого состояла в умении угадывать таланты, выбирать соратников. Можно назвать десятки ярких индивидуальностей, раскрывших свои способности в самых разнообразных сферах деятельности. Но Петр умел не только угадывать таланты, но и использовать их на поприще, где они могли оказать наиболее полезные” (Павленко Николай. Полудержавный властелин. М., 1991).

Нет, дорогие мои, п а л к о й не воспитать и н д и в и д у а л ь н о с т ь ! Тут потребно иное. Прежде всего собственная вера в правильность избранного пути, душевная цельность, энергия и, конечно, дар общения.

Я писал о Петре. Мимходом замечу, что недавно, заглянув в интернет, обнаружил: моя работа “Вечная Россия” (“Наш современник”, № 4–7, 1998), посвященная Преобразователю, включена в список литературы, рекомендованной для изучения отечественной истории.

Признаюсь, я буквально влюбился в Петра, прочитав запись его беседы с простыми матросами, сделанную брауншвейгским резидентом Вебером в Риге: “Кому из вас, — говорил император, — братцы мои, хоть бы во сне снилось, что мы с вами здесь, у Остзейского моря, будем плотничать и в одежде немцев, в завоеванной у них же нашими трудами и мужеством стране построим город, в котором вы живете; что мы доживем до того, что увидим наших храбрых победоносных солдат и матросов русской крови, таких сынов, побывавших в чужих странах и возвратившихся домой столь смышленными; что увидим у себя такое множество иноземных художников и ремесленников; доживем до того, что меня и вас станут так уважать иностранные государи” (Князьков С. Очерки из истории Петра Великого и его времени. М., 1990).

Кто еще из наших монархов, генсеков, президентов т а к з а д у ш е в н о говорил с простыми людьми? Кто был способен с небывалым, тем более для XVIII столетия, великодушием хоть на миг уравнивать себя с ними: “Меня и вас станут уважать”?

А вы говорите: “Петровская палка”!

Разумеется, как руководитель-практик Петр не отрицал роли насилия и

сам частенько прибежал к нему. Не будем вспоминать здесь “стрелецкие казни”. Спровоцированные – стоит отметить – неоднократно мятежами стрельцов (бунт 1699 года был последним из череды вооруженных выступлений). Это обстоятельства чрезвычайные. Любой руководитель обязан реагировать на них предельно жестко (американский историк Роберт Масси, автор лучшего, на мой взгляд, жизнеописания Петра, приводит немало примеров из западноевропейской практики*).

Насилие, разумеется, не столь масштабное и кровавое, применялось и в куда менее напряженных ситуациях. Примечательно: оправдывая необходимость принуждения, Петр воспользовался тем же образом учителя, что и Белковский: “Наш народ, яко дети, неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера (учителя. – А. К.) не приневолены бывают” (Князьков С. Очерки из истории...).

Однако Петру и в голову не приходило абсолютизировать насилие, и тем более поэтизировать – как это делает С. Белковский. Наоборот, Петр подчеркивал необходимость бережного отношения к добросовестным труженикам. Обработывая для отечественных нужд немецкий “Лексикон о коммерции”, император собственноручно вписал: “Надлежит оных (простых людей. – А. К.) беречь и не отягощать через меру, но паче охранять от всяких нападков и разорения” (там же).

Признаем: “охранять” получалось далеко не всегда – царствование Петра пришлось на эпоху непрерывных войн, требующих средств, что серьезно отягощало подданных. Но само намерение показательно.

Самодержец Российский более гуманен, чем московский интеллигент XXI века!

Похоже, социопсихические особенности интеллигенции деформируют взгляд на народ таких деятелей, как Белковский и Исаев. Люди, может быть, за всю жизнь не забившие гвоздя, подозревают в “нежелании трудиться” тех, кто с утра до вечера в работе**.

Признаем и то, что наше “образованное сословие” до сих пор находится в плену ленинского (еще один интеллигент!) определения государства как “машин для подавления” (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37).

Было бы наивным резонерством отрицать эту функцию. Однако ее дополняет множество других: менеджмент, планирование, прогнозирование, внешнеполитическая деятельность и т. п. Государство – это машина для управления (если уж подходить к вопросу механистически). Что подразумевает арсенал более сложных средств, нежели пресловутая “палка”.

Для многих идея государственного насилия заключается в трех буквах – КГБ. Когда комитет был всесилен, его боялись. Кое-кто ненавидел. Сейчас немало людей искренне желали бы прихода во власть его выдвинцев.

О том, как эти упования отразились на судьбе Путина, уже упоминалось. Теперь я предлагаю взглянуть на вопрос шире. Выявить своего рода онтологию ожиданий.

Не так давно в газете “Завтра” появилась статья под выразительным заголовком “Сегодня нужен Берия” (№ 27, 2010). Автор – известный фу-

* Масси Роберт К. Петр Великий. В 3-х тт. Т. I. Пер. с англ.: Смоленск, 1991.

** Потенцированная тяга к насилию свойственна не только российским интеллигентам. Почитайте наброски к книге о Достоевском Георга Лукача – одного из светил европейской философской мысли прошлого века. Что там Белковский с его страшноватым учителем – Лукач с педантизмом западного ученого по пунктам разбирает, кому “дозволено (здесь и далее разрядка моя. – А. К.) убивать”, и приводит “неотразимый” довод: “Нельзя действовать без греха (но и недеяние есть действие = грех)... Утверждение иеговистского (против Толстого)” (Лукач Георг. Ленин и классовая война. Пер. с нем.: М., 2008). Думается, здесь дело не только в тяге к “иеговистскому” началу, но и в абстрактности мышления (“компьютерного” – как сказали бы сегодня), обычно не сталкивающегося на практике с последствиями своих решений, а потому и не осознающего ответственности за них. Хотя в 1919 году, будучи политкомиссаром одной из дивизий венгерской Красной армии, Лукач без колебаний отдал приказ о расстреле каждого шестого бойца дезертировавшего батальона (там же)...

туролог М. Калашников. Любопытно – в органе либералов “МК” с ним фактически солидарен небезызвестный Л. Млечин: его материал озаглавлен “Хоть бы кого-нибудь расстреляли!” (“МК”, 19.08.2010). Правда, реплика, вынесенная в название, как выясняется, принадлежит не Млечину, а некоему профессору – “либеральных убеждений”, подчеркивает автор. Но Млечин делает примечательную оговорку: “...Я понимаю, что он имеет в виду”.

И далее “воплъ души”: “Кого-нибудь накажут? За пожары, спалившие не только деревни, но и людей, за гарь – оружие массового поражения, за мучения людей этим летом и неспособность чиновников справиться со своими обязанностями. Измученные люди жаждут политической крови. Хотят, чтобы чьи-то головы полетели, не в прямом, конечно, смысле” (“МК”, 19.08.2010).

Между прочим, список прегрешений можно было бы развернуть на весь газетный лист. Тогда, возможно, читатели возжаждали бы отнюдь не с и м - в о л и ч е с к о й расплаты.

Такие списки, “вмонтированные” в публицистические статьи, регулярно публикует “Завтра”. Для Калашникова – в отличие от Млечина – “Берия” – не риторическая угроза, а, говоря современным языком, реальный проект.

Среди многообразных деяний Лаврентия Павловича футуролог выделяет руководство Спецкомитетом (СК) при Совете Министров СССР. Под его эгидой разрабатывалось советское ядерное оружие. Калашников называет СК “структурой, опередившей время”, а его главу “великим менеджером-инноватором” (здесь и далее: “Завтра”, № 27, 2010).

Последнее утверждение предельно актуализирует исторический экскурс, указывая на желаемый вектор сегодняшней модернизации. А так как в Кремле иногда почитывают обращения Калашникова, можно предположить, что какие-то его предложения будут учтены...

Что же привлекает автора в бериевском проекте? Чрезвычайщина. Спецкомитет, сообщает он, “не подчинялся обычному, бюрократическому правительству. Он функционировал как параллельное (опричное) правительство” (разрядка моя. – А. К.).

В отличие от либералов, с поистине самоубийственным задором перечеркивающих советские достижения (при том, что постсоветских не видно!), не стану отрицать значимости успехов СССР в создании ядерного оружия. Россия до сих пор существует благодаря этому наследию.

Не стану спорить и с тем, что успехи были достигнуты во многом за счет концентрации максимального количества ресурсов в рамках одной структуры. Созданной чрезвычайными методами.

Однако Калашников, как и все поклонники менеджмента, склонен абсолютизировать организационный момент в ущерб творческому. Организовать ученых и практиков, обеспечить мгновенное воплощение их разработок в жизнь – все это имеет огромное значение. Но это лишь полдела. Другая “половина” – наличие самих ученых. Тех, кто создает инновационный продукт. Без них никакая, даже идеально организованная структура работать не сможет.

Так вот, И. Курчатов, П. Капица, другие виднейшие советские ядерщики формировались как ученые не в рамках чрезвычайного СК, с его жесткими организационными рамками и закрытостью, а в атмосфере предельной открытости науки, существовавшей в СССР в первой половине 30-х годов. Лучшие советские ученые того времени ездили в длительные командировки на Запад. А их западные коллеги выступали с докладами в Москве по наиболее актуальным вопросам.

Развитие отечественной науки началось задолго до образования СК. И не закончилось с его упразднением. Даже темпа не потеряли: полет человека в космос, строительство первых АЭС, создание новых ракетных систем – все это достигнуто без контроля и патронажа со стороны Берии.

К слову, идею “опричной”, как определяет ее Калашников, организации Лаврентий Павлович изобрел не сам, а позаимствовал у коллеги – печально знаменитого Нафталия Ароновича Френкеля. Тот еще в конце 30-х создал Главное управление лагерного железнодорожного строительства (см. статью П. Флоренского “Нафталий Френкель” – “Наш современник”, № 7, 2010).

Успехи Управления и бериевского СК, да и само существование этих ор-

ганизаций нельзя рассматривать в отрыве от источника, из которого они черпали кадры – научные, технические, рабочие. Этот источник – ГУЛАГ.

А теперь о другом – не менее важно! Фигура Берии в качестве спасителя Отечества более чем сомнительна. Этот “столп режима”, каким он был (или казался) при Сталине, обретя самостоятельность, планировал демонтаж советского блока в Восточной Европе, введение рыночных отношений в СССР и так называемую “коренизацию” республик Союза.

Историки Д. Веденеев и Ю. Шаповал утверждают: “Анализ бериевских инициатив свидетельствует, что в истории, если бы она повернулась иначе, наверняка возникло бы понятие не хрущевской, а бериевской “оттепели”. Хрущев и Горбачев (так!) лишь во многом эксплуатировали (и далеко не всегда удачно) его предложения” (“Зеркало недели”, № 25, 2001).

Кое-что на сей счет говорит, а точнее, мельком проговаривает Калашников: “План Берии: создать единую Германию, не входящую в НАТО. Без идиотского социализма (здесь и далее разрядка моя. – А. К.) по Вальтеру Ульбрихту, без него самого и его твердо лобного коммунистического окружения”. Далее апологет упоминает о том, что люди Лаврентия Павловича “уже выходили на западногерманского канцлера Конрада Аденауэра”.

Ничего себе “проговорочка”! Сам я к поклонникам реального социализма не принадлежу. Но нельзя же так “воспарять” над действительностью! Очевидно, что и “опричный” СК, и сам атомный проект в том виде, в каком он осуществлялся в СССР, были возможны только при социализме. “Идиотском социализме”, по версии Калашникова.

Ах, это социализм “по Вальтеру Ульбрихту”? Калашников (кстати, получивший известность как певец красной Империи) как будто намекает читателям, что знает какой-то другой, более успешный. Да будет ему известно: созданная по ульбрихтовским рецептам экономика ГДР была наиболее эффективной в системе СЭВа.

Столь же непоследовательна, если не сказать резче – беспринципна, оценка за кулисных контактов с Западом. Калашников не усматривает ничего предосудительного в тайных (от собственного ЦК и восточногерманских коллег) переговорах “людей Берии” с Конрадом Аденауэром, злейшим врагом социализма и СССР. Тогда почему автор статьи и публикаторы из газеты “Завтра” последними словами клянут М. Горбачева за планы объединения Германии и тесные связи с Г. Колем – однопартийцем и наследником К. Аденауэра?

Такой нравственный релятивизм, безразличие к принципам вообще и к морали в частности характерны не только для футуролога, но и для многих наших нынешних идеологов – как патриотов, так и либералов. Духовная болезнь постсоветской эпохи...

Но шут с ней, с Германией. Я, русский националист, не могу простить Берии русский погром – “Ленинградское дело” 1949 года и “коренизацию”, а точнее, дерусификацию руководящих органов союзных республик в 1953 году. Если в 49-м Лаврентий Павлович еще не принимал единоличных решений, то за события апреля–июня 53-го он несет персональную ответственность.

Скоротечное правление Берии обстоятельно рассмотрено в содержательной работе профессора А. И. Вдовина “Русские в XX веке. Факты. События. Люди” (М., 2004). Первые самостоятельные инициативы Берии затрагивали два традиционно острых вопроса – еврейский и русский. В начале апреля 1953-го ЦК по запискам Берии от 1 и 2 апреля принимает комплекс решений по еврейскому вопросу: “реабилитировать и немедленно из-под стражи освободить” лиц, привлеченных по делу о врачах-вредителях; осудить “преступную операцию по зверскому убийству Михоэлса” и высылку П. С. Жемчужиной. В этой связи Вдовин острожно поминует “слухи о еврейском происхождении Берии и его попустительстве соплеменникам”*.

В конце мая – начале июня приходит черед русского вопроса. ЦК, опять же по представлению Берии, принимает постановления, направленные на то, чтобы “решительно покончить с извращениями ленинско-сталинской национальной политики партии”. Начинается “коренизация” партийно-государст-

* А. Авторханов называет Берию “полуевреем” (Авторханов А. Загадка смерти Сталина. – “Новый мир”. № 5, 1991).

венного аппарата союзных республик и перевод делопроизводства на национальные языки. На деле, как показывает Вдовин, она обернулась “разгромом русских кадров в национальных республиках”.

Первым секретарем ЦК КПУ вместо русского Л. Мельникова назначают украинца А. Кириченко. Принимают решение сместить русского Н. Патоличева с поста первого секретаря ЦК КПБ и назначить на его место белоруса М. Зимянина. Патоличева спас арест Берии. Во время пленума белорусского ЦК, где решалась его судьба, Патоличеву позвонил Хрущев и сказал: “Берия арестован... Если пленум попросит ЦК КПСС, то решение (об отставке Патоличева. — А. К.) может быть отменено” (В до в и н А. Русские в XX веке...).

Прямая увязка вопроса о русских кадрах с судьбой Берии лишний раз доказывает, что дерусификация была его л и ч н о й инициативой.

Атмосферу, которая царилла тогда в стране, можно почувствовать, ознакомившись с воспоминаниями видного партфункционера В. Голикова. В частности, он рассказал о том, как ему в Москву из Кишинева звонил К. Черненко, работавший заведующим отделом пропаганды и агитации ЦК КП Молдавии. Черненко умолял: “...Помоги мне. Приходят молдаване и говорят, что я восемь лет сижу, место занимаю. Наглостью их бог не обидел. Помоги куда-нибудь уехать. Только в Россию. Куда угодно” (цит. по: В до в и н А. Русские в XX веке...).

То же самое происходило в конце 80-х при Горбачеве. Фактически реформы Берии в национальном вопросе стали предвестниками горбачевских. Они — свидетельствует Вдовин — “активизировали... в союзных республиках национал-сепаратистские и русофобские настроения”.

И вот т а к о г о человека автор уважаемой газеты “Завтра” пытается представить в качестве о б р а з ц а для подражания. Видит в нем “спасителя России”!

Не стану подозревать футуролога в сознательном обмане читателя. Скорее всего, он и сам обманулся. Стал жертвой собственной тяги к л и ч н о с т и и с к л ю ч и т е л ь н о й, стоящей над ненавистной Калашникову (и мне!) бюрократической машиной. Не связанной мелочным контролем ни со стороны государства, ни со стороны партии.

Такая личность и впрямь способна поразить воображение. Прежде всего объемом власти, сконцентрированной в ее руках. Она вольна казнить и миловать, возвышать и сгибать в бараний рог. Ах, как это заманчиво сегодня, во времена всеобщего бессилия и безвластия!

Но тем важнее, чтобы лидер с такой полнотой полномочий отвечал определенным м о р а л ь н ы м требованиям. Особенно, если он приходит из среды спецслужб с их с п е ц и ф и ч е с к и м менталитетом.

Обычно в таких случаях упоминают о “чистых руках”. Однако признаем очевидное: на крутых поворотах истории мало кому удастся сохранить руки чистыми. Вспоминают о “честности”. И опять-таки всеуе. Честность и политика — вещи трудно совместимые.

Я бы поставил во главу угла ц е л ь н о с т ь. Лидер по определению не может быть агнцем. Он неизбежно будет совершать не только праведные, но и дурные поступки. Но, поднимая человека во власть, окружающие должны по крайней мере знать, что он именно тот, за кого себя выдает. Что он верит в идеи, им провозглашенные, и стремится достичь цели, им обозначенные.

К сожалению, руководители, приходящие из рядов спецслужб, к р а й н е р е д к о отвечают этому требованию. Дело не только в Л. Берии. То же самое можно сказать о Ю. Андропове, о В. Крючкове. И даже о генерале П. Курлове, шефе корпуса жандармов. Тут какая-то родовая мета, inferнальная двойственность: “столпы режима” странным образом оказывались среди его “могильщиков”.

Генерал Курлов причастен к убийству П. А. Столыпина — единственного человека, который мог не допустить революции. Подозрения в адрес шефа жандармов были столь серьезны, что он попал под следствие, и только вмешательство императора спасло его от суда (см. Ав р е х А. Я. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991).

Андропов в изображении С. Кургиняна и С. Семанова предстает тайным разработчиком концепции перестройки. Именно он собрал в ЦК и поддержал ее лидеров, включая Горбачева (С е м а н о в С е р г е й. Председатель КГБ Юрий Андропов. М., 2008).

Действия Крючкова во время августовского “путча” заставляют подозревать его в двойной игре. По утверждению газеты “Завтра”, он “незадолго до ГКЧП, в апреле 1991 года, встречался на яхте Роберта Максвелла с руководителем “Моссада”... КГБ принимал самое непосредственное участие в “бархатных революциях” в странах Восточной Европы” (“Завтра”, № 32, 2010). В момент самого “путча” “Ельцин... постоянно был на связи с Крючковым” (там же). Выразительная деталь: после краха ГКЧП Крючков – в отличие от других руководителей – не был арестован, а содержался “под спецохраной на одной из правительственных дач” (там же).

Журналист Александр Шаравин, автор книги “17 тайн Лубянки”, выступает и с более обобщенными обвинениями: “...Обвиняю Комитет госбезопасности СССР и его офицерский состав, прежде всего работников 1 и 5-го управлений, в умышленном расчленении Советской России, которая существовала и боролась в течение 70 лет за наши национальные интересы. Я обвиняю офицерский состав КГБ в том, что... они в августе 1991 года либо руководили действиями демократов-сепаратистов Ельцина и тайно вели их к “победе”, либо потворствовали и молчали, когда разрушалась территориальная целостность страны и заменялось ее социально-экономическое устройство” (“Завтра”, № 33, 2010).

Разумеется, обвинения можно адресовать далеко не всем сотрудникам. В нашем журнале мы неоднократно печатали Ю. И. Дроздова и Н. С. Леонова – генералов КГБ, возглавлявших ключевые управления. Знаю, что и среди наших читателей есть сотрудники Комитета – бывшие и нынешние, в том числе в немалых чинах. Любое издание позавидует наличию таких компетентных читателей.

Все так. И, однако, я бы не стал надеяться на людей Лубянки как на спасителей Отечества. И другим не советовал бы.

В закулисную жизнь “конторы” я, слава Богу, не посвящен. Но поделюсь впечатлением, полученным еще в школьные годы.

Я учился в элитарной школе при Академии педагогических наук. Среди учеников были дети известных киношников, писателей, дипломатов. Все они без особой симпатии относились к коммунистическому строю. Но дети сотрудников КГБ любому могли дать фору. Причем такой настрой был характерен только для отпрысков старших офицеров. У нас учился сын майора госбезопасности – тот не то что не сомневался в непреходящей правоте режима, но даже органа для сомнений не имел! А вот дети полковников не верили ни во что. Разве только в деньги (понятно – доллары). Ценили еще заморскую выпивку и девок, “упакованных” в импортное шмотье.

Обратите внимание, я говорю не о 1990-м и даже не о 1980-м, а о 1970-м годе, когда окончил школу.

Конечно, “яблочко” не обязательно падает у самой “яблони”. Но в данном случае они лежали слишком кучно! Что недвусмысленно указывало на некий ведомственный “архетип”.

Предательство? Полагаю, это недостаточно точное слово. Да, были случаи прямого предательства. Но широкое распространение получило другое, хотя и близкое явление. Перерождение. Утрата ценностей и идеалов. Не только советских – каких бы то ни было. Полная бездуховность. Скорее всего, то был результат постоянного пребывания на грани двух миров. В роли стражей, но и невольных свидетелей западных достижений.

Надо признать, они могли впечатлить кого угодно. Помню, тогдашний главный редактор “Нашего современника” Сергей Васильевич Викулов побывал в Париже. Офицер-фронтовик, стойкий патриот, он рассказывал мне: “Александр Иванович! Как они живут! Когда вышел на Елисейские поля, я чуть не заплакал...”

Видимо, сказывалась и лучшая информированность о реальном положении дел в СССР.

Разницу в настрое простецов и инсайдеров великолепно описал Михаил Булгаков в “Белой гвардии”. Обитатели дома Турбиных, особенно юнкер Никола, еще живут надеждой, а вернувшиеся из дворца гетмана Тальберг и Шервинский знают: город обречен. Хотя реагируют (это чрезвычайно важно!) по-разному: Тальберг бежит, бросив семью, за границу, а Шервинский остается с Турбиными.

Бывшие сотрудники Госплана, отвечавшие за составление стратегических прогнозов, рассказывали мне, что уже в 70-е годы сигнализировали руководству: СССР начинает отставать в соревновании с Западом. В перспективе это грозило крахом. События начала 90-х не были для моих собеседников сюрпризом.

Госплановцы, с которыми я беседовал, остались верны строю и своей стране. Но многие “носители знания”, в том числе офицеры спецслужб, стали подстраиваться под ситуацию. Когда в перестройку, как грибы после дождя, начали возникать коммерческие структуры, они забронировали себе лучшие места. И после гибели Союза вошли в правления банков, фондов, фирм.

В конечном счете это привело к острейшим экономическим конфликтам между бывшими сослуживцами. О чем с печалью поведал генерал Виктор Черкесов в уже поминавшейся статье “Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев”.

В сущности, это должно было бы стать концом чекистского мифа. И если сегодня люди все еще тянутся к нему, то это свидетельствует не столько об их доверчивости, сколько о нестерпимости нынешней ситуации, что побуждает верить во что угодно и кому угодно – только бы “переменить судьбу”.

О “ком угодно” и поговорим. Невеселые, надо признать, рассуждения.

Кажется, россияне готовы кинуться на шею любому, в ком они хоть на минуту углядят спасителя. Ищут, конечно же, на стороне. “Ванька из соседнего дома” на престижную роль заведомо не проходит. По принципу: “Да я с ним рядом живу. Какой же он после этого герой?”

Первыми на вакантное место предложили... кого бы вы думали? Евреев. Как и в 1917-м! Леонид Радзиховский в памятной статье “Еврейское счастье” задался вопросом: “...Почему революции в России поднимают евреев?” И разъяснил: “...Они оказались более активными, чем традиционные “обломовы” (“Новое русское слово”, 17.01.1996).

К чести Радзиховского, он не ограничился констатацией “естественных преимуществ” своих соплеменников, но указал и на другое немало-важное условие их успехов: они “отчасти опирались на новые (“свои”) политические элиты. Например, президент Альфа-банка Авен был министром внешней торговли у Гайдара, известны своими связями с высшими чиновниками и руководители “Менатеп” и Мост-банка и т. д.” (там же).

О том, как связи конвертировались в деньги, нынче кое-что известно. Во многом благодаря скандальному процессу над бывшими основателями “Менатеп” и материалам об аферах руководителя Мост-банка В. Гусинского*.

Интерес г-на Радзиховского понятен. К слову, он не слишком-то радовался стремительному продвижению евреев во власть, напоминая, что за 1917-м последовал 1937-й...

Но почему русские идеологи – из самых известных – хватаются за ту же концепцию? О плодотворной роли еврейских “штольцев”, железом и кровью побуждавших миллионы “обломовых” создавать индустрию и проводить коллективизацию, неоднократно писал сподвижник Александра Проханова В. Бондаренко. Почитать его, так без участия евреев становление советской державы было бы невозможным.

Бондаренко идет еще дальше: оказывается, не еврейские комиссары были частью “красного проекта”, а сам этот проект, материалом для которого служила Россия, являлся порождением еврейского мессии. “Когда Сталин пресек Коминтерн, – вздыхает патристический идеолог, – он, по сути, уничтожил красное еврейское мессианство с Россией во главе... С отказом от еврейской красной сверхгосударственности, может быть, начался откат России на региональные позиции” (“Завтра”, № 24, 1997).

Дорогие читатели, вы слышали о сверхгосударстве евреев? Со-

*Тот же механизм действовал и в годы нэпа. См. главу “Агенты и соучастники частного капитала в госаппарате” интереснейшей работы Ю. Ларина (Лурье) “Частный капитал в СССР” (“Государственная служба”, № 1, 2000).

гласитесь, Израиль – при всей его значимости (особенно в политическом закулисье) – до сверхдержавы все-таки не дотягивает. Если же Бондаренко, как явствует из его дальнейших рассуждений, имеет в виду Советскую Россию, то хотел бы указать уважаемому автору на досадную ошибку. Красная Россия была государством русского народа (и других, примкнувших к нему коренных народов), несмотря на то, что в ЦК, ЧК, правительстве сидело немало евреев. Скажу больше: и сегодня Россия по-прежнему русское государство, несмотря на новое пришествие евреев во власть.

Впрочем, “володеть и править” зовут не только “сынов Иаковлевых”. “Требуются Рюрики” – кричит заголовок в “НГ”. Автор статьи, некий Руслан Аврамченко, представленный как политолог и кандидат физико-математических наук, поясняет: “Россия всегда вразумлялась Европой, и сегодня нам необходимо новое призвание варягов” (здесь и далее – “Независимая газета”, 13.09.2010).

Идея, отработанная еще в позапрошлом веке. Опровергнутая как теоретиками (Н. Данилевский. “Россия и Европа”), так и самой историей: наивысшего расцвета Россия достигла в середине XX столетия – безо всяких варягов. Да и “вразумлять” нас они норовили все больше оружием – во времена “псов-рыцарей”, воинов Стефана Батория, Карла XII, Наполеона, кайзера Вильгельма и Гитлера. Хотя бы в юбилейный год Победы совестно забывать о кровавой, не единожды нам преподанной науке. Суть которой можно сформулировать в двух словах: **о с т е р е г а й т е с ь З а п а д а !**

Понятно, русский публицист автору “НГ” не указ, поэтому сошлюсь на признанного западного авторитета Арнольда Тойнби: “Запад... это архиаррессор современной эпохи... Русские напомним, как их земли были оккупированы западными армиями в 1941, 1915, 1812, 1709 и 1610 годах” (Тойнби и А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Пер. с англ.: М.–СПб., 1995).

Но вернемся к Аврамченко. Он патетически провозглашает: “Пора, пора уже честно посмотреть нам, россиянам, друг другу в глаза и признаться в бессилии своим умом помочь спасению России (разрядка моя. – А. К.). Снова, как и тысячу лет назад, нужно звать варягов, точнее, их современных потомков”.

Как это должно реализоваться на практике? “На Западе, – поясняет кандидат физматнаук, – есть десятки талантливых экс-президентов, экс-премьеров, министров и множество политиков”. Их-то и следует назначить на министерские посты в российском правительстве.

В начале 90-х, в период общего обнищания, нас приучили пользоваться секонд-хэндом. Страна примеривала на себя штопаные джинсы и куртки с чужого плеча. Затем начала втискиваться в автомобильный хлам. Однако о политическом секонд-хэнде мы до сих пор не слыхивали!

И кого же сватает нам Аврамченко? Экс-премьера Англии Тони Блэра, которого его же сограждане в глаза именуют лжецом и закидывают яйцами, из-за чего он вынужден был отменить презентацию своих мемуаров? Экс-премьера Франции Доминика де Вильпена, привлеченного своими однопартийцами к суду за клевету? Или экс-президента Франции Жака Ширака, которому в конце года предстоит предстать перед судом в связи с финансовым скандалом? Или экс-президента Израиля Моше Кацава, обвиняемого в 11 изнасилованиях?

Представим, как эта шарага (или другие – рангом поменьше) рванет в Россию “на поиск счастья и чинов”. Омерзительное зрелище!

Вы скажете: маразм! Соглашусь. Но ведь и Станислав Белковский, в отличие от г-на Аврамченко, человек серьезный и влиятельный, предлагает восстановить монархию и пригласить на трон самодержца всероссийского третьего разрядного английского принца Майкла Кентского (“Завтра”, № 32, 2009).

Что это – поветрие болезни? Или свидетельство трагического надлома, страшного упадка русской воли, русской мысли, русского духа?

Не поверите – наши соотечественники готовы призвать “на царство” не только “варягов”, а тех же чеченцев, от которых столько терпят мирные москвичи.

Разумеется, первым вспоминают в этой связи главного чеченца. Вот “крик души” в интернете: “Комрады, объясните, почему вы не хотите, чтобы Кадыров был президентом или премьером? Неужели нынешняя (эпитет опус-

каю. — А. К.) власть лучше, чем деятельный человек?» (<http://oper.ru/news/read.php?t=1051605167>).

Судя по всему, вопрос неопита. Увидел по телеку Кадырова с автоматом — и проперло: вот бы такого в Кремль!

Неопиту я бы посоветовал ознакомиться с главами моей работы, опубликованными в предыдущих номерах. Авось поймет, почему “комрады” не хотят Рамзана Ахматовича на московское царство.

В отличие от безвестного пользователя, г-н Коровин, человек, бесспорно, информированный. Заместитель руководителя Центра консервативных исследований при социологическом факультете МГУ. Он, как никто, “в теме”: в начале года Коровин представил научной общественности коллективное исследование “Северный Кавказ: русский фактор”. Там собрана масса сведений о том, как русских изгоняют с Кавказа. В Чечне за два десятилетия их численность сократилась с 23 до 1% (“Время новостей”, 22.04.2010)! И, несмотря на это, г-н Коровин предлагает, чтобы пост министра МВД занял не кто-нибудь, а Рамзан Кадыров (там же).

А герой голубого экрана С. Кургинян ненароком упомянул о возможности превращения дуумвирата в классический триумvirат — за счет все того же Кадырова, “проконсула Северного Кавказа” (“Завтра”, № 29, 2009).

Хорошо, Кадыров, по крайней мере, на слуху, но некто Павел Пряников (скорее всего, это псевдоним) готов звать во власть лю бы х чеченцев и — шире — кавказцев. Кто угодно — приходи и владей!

Трусоватого российского обывателя Пряников пугает хаосом — как в Киргизии. Он констатирует: “Нынешняя власть одинока, последнее, что позволяет ей удерживать видимость федеральных скреп, — телевидение и бюджетные дотации” (здесь и далее: <http://svpressa.ru/blog/article/23778>).

Естественный вопрос — может быть, такая власть, утратившая доверие народа, и не заслуживает доминирования — почему-то не приходит в голову автору. Он начинает лихорадочный поиск союзников. Выясняется: “Настоящих, “кровных” союзников у федерального центра, кроме кавказцев, сейчас нет”.

Что называется — не более и не менее.

Мысль не то чтобы спорная — убийственная. Прежде всего, для власти! Если она и впрямь не имеет опоры в широких слоях населения, то это явное свидетельство ее несостоятельности. Однако, при всей экстравагантности, утверждение Пряникова оснований не лишено. Может быть, своеобразное союзничество, им обнаруженное, и объясняет тот факт, что власть почти демонстративно смотрит сквозь пальцы на все выкрутасы горячих сынов Кавказа.

Беспокойная мысль устремляется дальше: “... Для Путина сейчас крайне необходимо возрождение чего-то подобного опричнине. И в этом разрезе становится понятным, почему он ухватился за Кавказ. Фактически на вы-плату дан и (разрядка моя. — А. К.) этому региону и на “закрытие глаз” на всю ту дикость, что там творится. Архаика Кавказа, практическая первобытность региона позволяет Путину при соблюдении ряда средневековых церемониалов рассчитывать на его верность”.

Далее следуют пафосные рассуждения о том, что Кавказ всегда ориентировался на “белого царя”. Однако историческая риторика не более чем блестящая завеса, призванная благопристойно прикрыть вызывающий вывод: “На месте Путина я бы сейчас в каждом регионе устанавливал бы параллельные силовые ячейки из кавказцев. Возможно, в качестве официальных представительств “кавказских республик”. 150—200 человек “опричников” на каждый регион... Возможно, этот процесс и идет в современной России, только он пока не оформлен законодательно — всем же известно, как и по чьему попустительству существуют в той же Москве этнические мафии”.

Автора подводит незнание истории — как и всех почти, кто берется порассуждать о “судьбе России”. Ему всеу напоминать, что горцы присягнули “белому царю” после кровопролитной войны, длившейся с перерывами более полувека. “Полюбили” его только после того, как мятежный имам Шамиль был пленен в ауле Гуниб.

Если эссе Пряникова и написано с оглядкой на историю, то новейшую, творимую сегодня. Здесь важны “ляпы” не исторические, а логические. Ав-

тор волен отсылать нас к отношениям “вассал—сюзерен”, установленным в XIX веке, но необходимо уточнить: тогда сюзереном была Россия, а теперь — П. Пряников предлагает ей роль вассала (сам пишет о “выплате дани”). В XIX веке русский солдат гарантировал порядок и мир на Кавказе. Сегодня нас принуждают просить кавказцев гарантировать мир и целостность России.

Бесчисленные инциденты, связанные с жизнью диаспор, показывают — это пустые мечты! Удержат ли приезжих в рамках приличий — не зря столичные власти в срочном порядке разрабатывают Кодекс поведения.

Да и с какой стати те же чеченцы станут поддерживать порядок в Москве? “Ну как же, — ответят мне, — они все-таки наши соотечественники”. Это вы так считаете. А поинтересуйтесь-ка у них: считают ли они соотечественниками вас. Социологи такой опрос провели. Респондентам предлагали ответить, что они считают Родиной — Россию или место своего рождения. Лишь 11% чеченцев назвали Россию своей Родиной (“Независимая газета”, 10.09.2010).

Для власти “кавказская опричнина” может стать выходом. Тактическим, а не стратегическим (долго удерживать страну в подчинении подобными методами не получится, и, конечно, никакая “модернизация” в этих условиях невозможна). Но для простых людей, для коренного населения действия чужаков-опричников обернутся мукой.

Тут нижний предел падения национального самосознания. Тяга к “сильной руке”, вырождающаяся в болезненный мазохизм. Если вы стосковались по насилию, необязательно так все усложнять. Достаточно выйти на улицу часиков эдак в одиннадцать ночи, найти подгулявшую компанию да и пересказать ей концепцию Пряникова. Они вам в лучшем виде “шмазь сотворят”.

Можно предположить, что публикация полуанонимного эссе в интернете имела провокативный характер. Такую версию высказали участники дискуссии, развернувшейся в сети.

Впрочем, обнародованная Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа, подписанная В. Путиным в октябре 2010 года, изменила ситуацию в корне. Планируется резко повысить число мигрантов с Кавказа. В интернете эту затею прямо связали с попыткой властей найти в лице приезжих “верных защитников” (<http://www.mk.ru/politics/article/2010/10/05/534245-kavkaztsyi-vmesto-tadzhikov...>)

Как бы то ни было, материал Пряникова основан на реальном положении дел. И учитывает как пожелания властей, так и отчасти пересекающиеся с ними (хотя и отнюдь не по кавказскому вопросу) настроения в обществе.

Какие настроения? П. Пряников говорит об установлении режима, “подобного опричнине”. М. Калашников прямо пишет об “инновационной опричнине”. Вот и в нашем журнале появилась работа авторитетного политолога А. Фурсова “Опричнина — воспоминание о будущем?” (“Наш современник”, № 8, 2010). Режим, созданный четыре столетия назад, сегодня — “хит сезона”. И это определенным (я бы сказал — определеннейшим!) образом характеризует не только ожидания общества, но и само общество. Так же, как и лихорадочные попытки наполнить историческую структуру содержанием современными. Фурсов честнее, он говорит не о чеченцах и не о Берии — отсылает к самому Иоанну Васильевичу*.

Но здесь-то и начинаются проблемы, о которых не говорят (а возможно, и не подозревают) сторонники “сильной руки”. Что такое опричнина — средство для достижения цели или сама цель (создается впечатление), что многие просто жаждут насилия: “Хоть бы кого-нибудь расстреляли”). А если все-таки средство — то насколько оно приложимо к нашим конкретным условиям.

* Понимаю крайнюю деликатность спора с автором, которого ты сам пригласил в журнал. Поэтому сразу же объяснюсь: я считаю статью А. Фурсова наиболее ярким и цельным выражением взгляда, распространенного в сегодняшней публицистике, в том числе патриотической. Вот почему журнал ее напечатал. В то же время я с этим взглядом решительно не согласен. Публикуя статью, я в редакционной аннотации предупредил о грядущем споре.

Представим: по улицам Москвы будут шнырять отряды кавказских “опричников”. С какой целью? Бороться за сохранение целостности державы, как это мнится Пряникову? Достаточно четко поставить вопрос, чтобы обнаружить: это абсурд.

Что станут делать еврейские “штольцы” с русскими “обломовыми”, и спрашивать не надо. Мы видим это ежедневно. И таки приходится признать: Абрамовичу, Мамуту и прочим “активным” удалось организовать русскую трудовую массу для выполнения задач. С в о и х задач. Хозяева квартируют в Лондоне, а здесь, на бескрайних просторах от Калининграда до Колымы на них вкалывают наши соотечественники. Но почему вы думаете, что “нация умных людей” (пользуюсь названием только что вышедшей книги*) будет решать н а ш и, а не свои задачи?

Фурсов умнее и дальновиднее единомышленников. Он формулирует: 1. Условия, в которых предстоит действовать “новым опричникам”; 2. Задачи, цель действия. “...Мир вступает в чрезвычайно опасную эпоху – в эпоху чрезвычайности. Нам предстоит увидеть возникновение немалого числа “чрезвычайек” на глобальном, государственном, региональном и локальном уровнях... И в этой ситуации опричнина с ее опытом может стать необходимым, хотя и недостаточным условием и средством, с помощью которого можно будет пройти кризис и вынырнуть в посткризисное будущее” (здесь и далее работу А. Фурсова цитирую по тексту: “Наш современник”, № 8, 2010).

Первая часть посылы возражений не вызывает: глобальный кризис накренил не только экономику, но и сам образ жизни, цивилизационную основу современного мира, и в любой момент может обрушить ее в тартарары. Борьба будет, будут и “чрезвычайки”.

Борьба за что? Прежде всего за з н а н и е. Чтобы заполучить контроль над ресурсами, территориями и пр., нужны знания. Сегодня особенно. Технологические. Управленческие. Прогностические. Нынешняя “чрезвычайка” – это “Рэнд корпорейшн”. Или Институт в Санта-Фе, где разрабатывают “науку о сложности”. Где глобальный мир – его проблемы, ресурсы, тенденции – раскладывают на составляющие, моделируют, komponуют вновь.

Разумеется, на подхвате Пентагон и частные охранные формирования, все шире применяющиеся в горячих точках, вроде Ирака и Афганистана. Но именно – на подхвате, цели намечают интеллектуалы.

Где в этой схеме (реально действующей – в отличие от фантазий наших футурологов) видится место для опричника в сафьяновых сапожках и с аркебузой на плече?

О да, Фурсов подстраховывается. Он говорит: опричнина является условием “необходимым, но недостаточным”. Упоминает об этом в с к о л ь з ь, “петитом”. А надо бы выделить заглавными буквами! Что значит – условие “недостаточное”? Чего недостает? И как недостающее соотносится с наличным?

На первый вопрос автор отвечает. На последней странице! Там, где должно начаться самое важное, разговор обрывается. Да и что это за разговор? Деловитый и жесткий Фурсов вдруг растекается туманными словами о “тонких интеллектуальных и психоинформационных (психоисторических) струнах”. Поясню: это о н о в о м з н а н и и. Ну и кто будет на этих струнах наигрывать – Малюта Скуратов?

Между задачами сегодняшнего дня и примерами из прошлого возникает зазор, куда вытекает энергия работы. Кстати, о работе: что это – историческое исследование, пусть и написанное по принципу: “Делай с нами, делай, как мы, делай лучше нас”, или политический “эссе”, элегантно сближающий “далековатые понятия” с помощью метафор?

Если исследование, то разговор один. И вести его следует по строгим законам исторической науки. Если “эссе” – дело другое. Даже не для политологов, а так – для любителей поговорить “за жизнь”.

Беда в том, что Фурсов объединяет оба жанра. С одной стороны, у него “ЧК под названием опричнина”. Метафора, беллетристический нарратив. С другой – хроника (хотя и не детализированная) событий 1565–1572 годов.

Выход из этой двойственности автор – отдадим ему должное – находит

* Сенор Дэн, Сингер Сол. *Нация умных людей*. Пер. с англ. М., 2010.

изящный: он провозглашает опричнину принципом государственного существования России. Этакая опричнина forever.

По существу, всю русскую историю Фурсов мыслит как черно-белую чересполосицу. Чередование нормальных периодов жизни и опричной “чрезвычайщины”. Схема не слишком отличающаяся от той, что навязывают нам советологи (А. Янов), говорящие о чередовании “реформ” и “контрреформ”. Только, в отличие от них, Фурсов ставит знак “плюс” там, где они рисуют жирный “минус”.

Но и тот и другой вариант слишком схематичен, далеко не охватывает всего многообразия русской истории.

Фурсов вообще склонен к механистичности: “. . . С демонтажом – ремонтом Третьего Рима”. Сложнейшие исторические процессы сводятся к простейшим операциям, как при работе с кубиком Рубика или при решении компьютерной задачи. Надо – Третий Рим “демантируем”, надо – “ремантируем”. Это компьютерное мышление, которым грешат, как правило, западные исследователи. Видимо, оно проникает и в головы патриотов.

И все-таки разговоры об опричнине “как принципе” будут бессодержательны, пока мы, хотя бы вкратце, не скажем об исторической конкретике. Была ли опричнина Ивана Грозного “успешным проектом”? В чем ее успех? Применим ли ее опыт в наши дни?

Не пожалеем нескольких страниц, чтобы разобраться в этих вопросах. Не только ради спора с Андреем Ильичом Фурсовым, автором, которым я, несмотря на все разногласия, дорожу, но и для вразумления немалого числа энтузиастов, ищущих в истории примеры простых решений сложных проблем наших дней.

Самое время обратиться к свидетельствам современников Грозного. Однако Фурсов нам это запрещает: “Опричнина – оболганное явление нашей истории”. Дескать, основные источники – это воспоминания иностранцев, живших в Москве. Верить им нельзя. Согласен. Но почему же сохранились только писания иноземцев? Потому что московское летописание именно при Грозном – именно в годы опричнины – прерывается. Материалы затребовали в Александровскую слободу да так и не вернули (Скрынник в Р. Г. Третий Рим. СПб., 1994). Факт сам по себе предельно красноречивый!

И все же история никогда не остается немой. Зажмут рот, но рано или поздно хватка ослабеет – она и заговорит. В данном случае это произошло в начале XVII века, спустя 20–30 лет после смерти Грозного. Его деяния были еще на слуху.

Оценки эпохи опричнины находим в Пискаревском летописце, в “Летописной книге” С. И. Шаховского, народных песнях. И все они отрицательные. Царя народ не трогал, но главный опричник остался в его памяти как “Малюта Стенька вор Скурлатов сын” (“Гнев Ивана Грозного на сына” в кн.: Народные исторические песни, М.–Л., 1962).

Столичные публицисты дерзали изобличать и царя. “. . . Наполнился гнева и ярости, – писал о Грозном С. И. Шаховской, – и нача подвластных своих, сущих раб, зле и немилостиво гонить и кровь их напрасно проливать. И царство свое, порученное ему от Бога, раздели на две части: часть едину себе отдели, другую ж часть – царю Симеону Казаньскому поручи, и устрои ево Москве царем” (Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987).

Примечательна контаминация событий первой и второй опричнины. В сознании современников вся затея оказалась связана с недолгим пребыванием на русском троне инородца – татарского царя Симеона Бекбулатовича. Случай для православного царства, действительно, небывалый! Особенно если помнить о многовековой борьбе Руси с Ордой, а затем и с Казанью. Об этом мы еще поговорим.

Но самое выразительное осуждение опричнины принадлежит. . . царю Иоанну. Оценивая события своей жизни, он с сокрушением отмечал: “В разбойники впаде мысленные и чувственные, сего ради всеми ненавидим есть” (цит. по: Зимин А. А. Опричнина. М., 2001).

Впрочем, Иван был многоречив и “многомятежен”. Чего он только не наговорил, в том числе и на самого себя!

Обратимся к историческим фактам. К самому надежному, а зачастую и красноречивому свидетельству.

Царствование Ивана IV принято разделять на два периода – до и после опричнины. До 1565 года Россия под управлением молодого царя одержала немало славных побед. 1552 год – взятие Казани. 1556-й – покорение Астрахани. 1558-й – вступление русских войск в Ливонию. 1563-й – взятие Полоцка. В 1550 году созывается первый Земский собор, орган сословного представительства. Тогда же начинается военная реформа. В 1551 году вводится земское самоуправление: власть на местах получают выбранные населением люди. В том же году составляют поземельный кадастр. 1553-й – начало переговоров об устройстве в Москве типографии.

С середины 60-х начинается полоса военных неудач, самая крупная из которых – сожжение московского посада крымским ханом Девлет-Гиреем (что стало поводом к отмене первой опричнины в 1572 году). Утрата приобретений в Ливонии – 1579–1581 годы. Два светлых пятна за весь период – разгром крымского войска в битве при Молодях (1572 год) и покорение Сибирского царства Ермаком (1581–1582 гг.). Но в первом случае лавры победы делят с опричниками земские войска. Ко второму царь вообще не имел никакого отношения. Он не только не посылал Ермака в Сибирь, но и пытался его остановить! “Ввиду неудач на западных границах, – пишет Скрынников, – Иван IV пытался избежать войны с Кучумом и послал вслед Ермаку приказ прекратить поход за Урал. Однако приказ запоздал” (Скрынников Р. Г. Третий Рим...).

Еще более трагичны экономические последствия опричнины. Новое административное деление страны, обмен земель между опричными и земскими, содержание опричного войска – все это требовало колоссальных расходов. Только в 1565 году царь взыскал с земщины 100 тысяч рублей – сумму для того времени фантастическую. Подати росли. И крестьяне отвечали на это доступным им способом – сокращали запашку. Это уменьшало размер податей, но до минимума сводило количество выращенного хлеба.

Новые владельцы земли, опричники, оказались плохими хозяевами. Они запустили полученные от земцев владения. Зато отыгрывались на крестьянах. А. Зимин приводит множество случаев, когда сбор податей завершился гибелью землепашца: “Митрошку Офремова опричные на правежи замучили, дети з голода примерли...”

Положение крестьянства осложняли и неблагоприятные условия среды. Неурожаи, нашествия грызунов, моровые поветрия – в эти годы несчастья следовали одно за другим.

Накануне отмены опричнины – в 1571 году земли Северо-Запада запустели на две трети. Зимин приводит свидетельство историка В. Ф. Загорского о том, что писцовые книги Шелонской пятины за 1571-й и 1576-й годы “походят на громадные кладбища, среди которых кое-где бродят еще живые люди”. Немного лучше дело обстояло и в Центральной России, к примеру, в Рязком уезде (Зимин А. А. Опричнина...).

Позволительно спросить: так в чем же Фурсов видит присутствие опричнины? Как он намерен применять ее опыт? Или нам мало нынешнего запустения? Или недостаточно внешнеполитических неудач?

Конкретика – великая вещь! Не говори общо, скажи, что тебе нужно, и все станет ясно.

Если Фурсов хочет перенять опыт опричнины в целом – Боже упаси! Если он имеет в виду укрепление централизованного государства в эпоху Грозного – дело другое.

Но тогда не стоило и огород городить: это явление давно осмыслено и положительно оценено историками. Тот же А. Зимин завершает книгу об опричнине словами: “Ликвидация удела Владимира Старицкого и разгром Новгорода подвели финальную черту под длительную борьбу за объединение русских земель под эгидой московского правительства”.

Предварительно подытоживая, можно сказать: опричнина была средством решения конкретных исторических задач. Средством крайне болезненным и опасным – как для страны, так и для самого царя (на пике борьбы с княжеско-боярской оппозицией Иван через английского посла Рандольфа запрашивал политическое убежище в Лондоне*).

* Скрынников Р. Г. Третий Рим...

Скорее всего, опричнина была необходима – как иной раз операция человеку. Хотя В. Ключевский полагал, что “жизнь Московского государства и без Ивана устроилась бы так же, как она строилась до него и после него, но без него это устройство пошло бы легче и ровнее” (Ключевский В. О. Исторические портреты, М., 1991).

Как бы то ни было, явление опричнины никого не оставляло равнодушным. У нее есть горячие защитники и противники. Можно много говорить о ее противоречиях, о тех “крайне архаических формах” (А. Зимин), в которых осуществлялся переход к новым принципам государственного строительства. Стоит отметить неоднозначный эффект подавления княжеско-боярской оппозиции: за счет утраты ею политического влияния поднялось дьячество – прослойка бюрократов, которые в конце царствования Ивана IV приобрели огромное влияние, что вызвало беспокойство подозрительного царя. “. . . Царь почувствовал себя в зависимости от укреплявшегося централизованного аппарата и захотел освободиться от щупальцев становившейся уже всемогущей бюрократии” (Шмидт С. О. У историков российского абсолютизма. Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996).

Здесь я вновь обращаюсь к Фурсову: неужели укрепление бюрократии – это то, что нам нужно сегодня? Ведь и так Рублевка и прилегающие “золотые мли” застроены загородными дворцами не столько олигархов, сколько чиновников. Обложивших данью и олигархов, и государство, которому якобы служат, и, разумеется, нас, многострадальное население России.

Чиновничество – и неразрывно связанная с ним коррупция – вот главная язва нашего времени! И что же – станем еще выше поднимать бюрократию, по примеру Иоанна Васильевича?

Ах, эта часть опыта неактуальна? В том-то и дело, что и з б и р а т е л ь н о копировать опыт, как правило, не получается. Либо все, либо – ничего. . .

Завершая разговор об опричнине, сделаю то, от чего уклонился А. Фурсов. Скажу о национальном и социальном ее составе. Опричное войско набиралось из разных групп населения. Однако исследователи обычно выделяют две: инородцы и худородные помещики.

Ну, последних у нас всегда было в избытке. Но откуда взялись инородцы? Дело в том, что к середине XVI века Русское царство превращается, как сказали бы сегодня, в региональную сверхдержаву. После присоединения Казани и Астрахани, оккупации Ливонии страну наводнили татарские мурзы и ливонские перебежчики, такие как Таубе, Крузе, Штаден, получившие известность благодаря воспоминаниям о своем пребывании в России.

Они присоединились к немалому числу выходцев из Литвы и той же Казани, отъезжавших на Русь в предыдущие годы – обычно в результате политических неурядиц у себя на родине.

Притоку чужеземцев способствовал и брак Ивана Грозного с кавказской княжной Марией Темрюковной – дочерью властителя Кабарды.

Событие это, небывалое, красочное, произвело такое впечатление на современников, что отобразилось в целом цикле народных песен. Москвичи не без опаски дивились на многочисленную свиту царской невесты:

*Триста татариноров,
Четыреста бухариноров,
Пятьсот черкашениноров*.*

Цифры, скорее всего, условные, но общее впечатление чего-то напоминающего иноземное нашествие, несомненно, основывалось на реальном положении дел.

Благодаря песням, прослеживавшим каждый шаг диковинных гостей, современные читатели имеют возможность наблюдать за драматическим развитием событий. Иноземцы сразу же проявили кичливый норов и неуважение к местным жителям. В народном творчестве олицетворением чужеземного вызова становится образ Матрюка Темрюковича, списанный с реального лица – брата новой царицы (в другом варианте он назван Кострюком-Матрюком). “Молодой черкашенин”, едва прибыв в Москву, успевает задеть всех – и молодых, и старых, и самого царя.

* Здесь и далее: Народные исторические песни. М.–Л., 1962.

Над московскими молодцами он откровенно глумится:

*А свет ты вольной царь,
Царь Иван Васильевич!
Что у тебя в Москве
За похвальные молодцы,
Поученные, славные?
На ладонь их посажу,
Другой рукою раздавлю!*

Старым людям приезжий не оказывает должного уважения:

*А вы люди стародавние!
А давно вы живете,
Ничего не смыслите...*

Да и самому грозному царю Мастрюк не выказывает почтения:

*Идет в палату белокаменну,
Во гривню столовую,
Не крестит бела лица,
А государю челом не бьет.*

В одном из вариантов песни “черкашенина” обвиняют в желании захватить Московское царство:

*Он хочет каменну Москву в полон себе взять,
Он хочет взойти в Кремль-городок...*

Иначе говоря, “Россия будет нашей”, – если кто помнит содержание предыдущей главы. Ничто не ново под луной!

В конечном счете законы жанра берут свое, уводя от исторической основы. Как и положено, столкновение заносчивого царского шурина с москвичами заканчивается поединком и посрамлением Мастрюка.

В народных песнях Иван Васильевич радуется русскому успеху. Увы, в реальной жизни все обстояло иначе. Подозрительно относясь к соотечественникам, Иван легко приближал приезжих. “...В его ближнем окружении было много татар и черкесов”, – свидетельствует А. Зимин.

Один из наиболее драматичных эпизодов опричнины – низвержение митрополита Филиппа – связан с несоблюдением людьми Грозного элементарных правил поведения в православном храме. Во время богослужения Филипп заметил, что один из опричников не снял головного убора. Он был в “тафье”, шапке восточного образца. Митрополит гневно произнес: “Се ли подобает благочестивому царю закон агаряньский держати?” (цит. по: Зимин А. А. Опричнина...). Царь, по утверждению историка, усмотрел в этом выпад в адрес своего иноземного окружения. Прежде он терпел от Филиппа и более резкие обличения, но замечание, сделанное в соборе, переполнило чашу его терпения. Грозный отдал приказ о подготовке процесса против Филиппа (там же).

Скорее всего, опричник, не обнаживший головы в храме, был инородцем. Приезжие стали неисчерпаемым резервом для пополнения опричного войска. По утверждению историка В. Кобринина и ссылающегося на него А. Зимина, “царь Иван охотно брал в опричники людей, слабо связанных с коренным населением России, татарских и черкесских мурз, немцев, выходцев из Литвы (из “литвы дворовой” происходили князья Вяземские, Д. А. Друцкий, А. Д. Заборовский, Пивовы)”.

Чем объяснялась такая политика?

Человек традиционного общества связан с окружающими не только профессиональными или соседскими связями, но и многочисленными родственными узами. Каждый был свойственником другого, помнил об этом и с увлечением занимался исчислением степеней родства. Для этого в русском языке существуют десятки слов. В Словаре Даля находим и выразительную пословицу: “Русский человек без родни не живет” (Д а л ь В л а д и м и р. Толковый сло-

варь живого великорусского языка, т. 4. М., 1991). Она предваряет длинный список соответствующих слов: “родня, родственники, сродники, семейные, свои, кровные... родич, рѳдик, родимец, роднушка” и т. д.

Русские были друг другу – с в о и. Готовясь обрушить репрессии на одну часть общества, царь должен был разделить его. Что он и сделал, образовав опричнину. Но разделения было мало – требовалось н а т р а в и т ь одну часть общества на другую, заставить русских истреблять своих соплеменников. И не каких-нибудь новгородцев, живших на окраине земли – своим особым миром и говоривших на своем диалекте, а таких же, как они сами – москвичей, ярославцев, ростовцев. К р о в н ы х!

Иван резонно сомневался в успехе затеи. Тем более ему пришлось ко двору инородцы, для которых русские – ч у ж и е. Кичливые инородцы, презиравшие коренное население, его обычаи и культуру.

Показательно: саму и д е ю о п р и ч и н ы, по мнению историков, царю подсказали Мария Темрюковна и ее братья (“одним из инициаторов опричнины” называет Михаила Черкасского А. Зимин).

Впоследствии на инородцев опирались и другие реформаторы. Петр, на первом этапе преобразований окруживший себя немцами. Ленин с еврейско-польско-латышским ЧК. Ельцин, в 1991 году опиравшийся на финансистов “Бнай Брит” (Полторанин Михаил. Власть в тротиловом эквиваленте. М., 2010), а в 1993-м использовавший для борьбы с защитниками Дома Советов отряды “Бейтара”.

Российским обывателям, вздыхающим об опричнине в чаянии наведения порядка на улицах и в стране, следовало бы помнить об уроках истории. А новейшим теоретикам опричнины честнее бы сказать полную правду о грядущих “чрезвычайках”. Они, как и их предшественницы, станут не органами з а щ и т ы коренных жителей, а органами и х п р е с л е д о в а н и я со стороны чужаков. В этом смысле, безусловно, не прав А. Фурсов, а прав П. Пряников, сулящий нам отряды кавказцев в крупных городах...

Другой опорой режима призваны были стать худородные местные жители. Те самые “Иваны, не помнящие родства”.

“Некоторые иностранные очевидцы, – пишет А. Зимин, – сообщают, что царь набирал опричников из “подонков, из дерзких и жестоких головорезов” очень низкого происхождения” (Зимин А. А. Опричнина...).

Свидетельствам иностранцев позволительно не верить. Однако сам Иван в переписке с одним из главных опричников Василием Грязным немилосердно колот ему глаза низким происхождением: “А что сказываешься великой человек – ино по грехом моим учинилось (и как нам того утаити?), что отца нашего и наши князи и бояре нам учили изменять, и мы вас страдников (холопов. – А. К.) приближали... А помянул бы ти свое величество и отца своего в Олексине... Ти в станице... был мало что не в охотниках с собаками...” (“Послание Ивана Грозного Василию Грязному”. В кн.: “Изборник”. Сборник произведений литературы Древней Руси. М., 1969).

Выразительно еще одно обстоятельство, связанное с письмом. Адресат – Василий Грязной – томился в крымском плену и молил обменять его на какого-нибудь знатного татарина. В ответ Грозный с мстительным удовольствием превозносит военную доблесть крымчаков и уничижительно отзывается о своих воинах (“крымцы так не спят, как вы...”).

Очевидно, царь был невысокого мнения о народе, которым управлял. Здесь уместно вспомнить эпизод, рассказанный английским путешественником Дж. Флетчером. Беседуя с иноземным ремесленником, Грозный сказал ему: “Русские мои все воры”. Ремесленник улыбнулся, и царь спросил, чему тот смеется. “Ваше величество изволили сказать, что Русские все воры, а между тем забыли, что Вы сами Русский”, – пояснил ремесленник. На что Грозный ответил: “Я не Русский, предки мои Германцы” (Флетчер Дж. О государстве Российском. В кн.: Накануне смуты. М., 1990).

Мысль об иноземном происхождении (неважно, реальном или мнимом – Грозный возводил свой род к мифическому Прусу) грела сердца и других русских самодержцев. Она давала основание смотреть на подданных как людей другой крови. Что облегчало задачу их подавления: чужих не жалко!

И все было бы замечательно (для царей, а не для подданных!), если бы не одно “но”. Впрочем, обстоятельство это столь значимо, что противительный союз впору выписать заглавными буквами: НО.

Иностранцы, не имевшие корней в России, без зазрения совести рубили русские головы, но так же легко и з м е н я л и приближившему их государю. Отмена первой опричнины связана с тем, что Грозный заподозрил в измене брата Марии Темрюковны Михаила Черкасского. Назначенный главнокомандующим опричным войском князь не защитил Москву в 1571 году во время набега крымского хана Девлет-Гирея. По утверждению современников, это произошло потому, что в походе Гирея принимал участие отец Михаила – кабардинский князь Темрюк (Зимин А. А. Опричина...).

А как вы хотели? Сердце иностранца в его стране. Он может служить чужому государю, но нельзя рассчитывать на то, что будет жертвовать ради него своей жизнью и даже своими родственными связями.

Разумеется, возможно иное поведение (человек наделен свободой выбора). Однако пример Михаила Черкасского типичен. Так же повел себя в битве под Нарвой герцог де Кроа, назначенный Петром командовать русским войском. Фактически изменой обернулась политика канцлера Карла Нессельроде, которому слепо доверился Николай I. Об “иудушке” Троицком выразительно отозвался сам Владимир Ильич, сделавший его Главкомвоенмором. Случай Берии разобран нами в середине главы.

Под стать иностранцам оказались безродные Иваны. Приближая их, Грозный полагал, что он станет им дороже отца родного. Жестокий эксперимент царь провел с одним из инициаторов введения опричнины – Алексеем Басмановым и его сыном. Он приказал сыну убить отца, а затем казнил и его самого (Скрынников Р. Г. Третий Рим...).

В традиционном обществе убийство отца не просто тягчайшее преступление. Это – вызов пятой заповеди (“Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будет, и да долголетен будеши на земли”). Она следует прямо за теми четырьмя, что определяют отношения человека с Богом. И в этом смысле отцеубийство – прямой вызов Создателю. Грех, который невозможно “раскаять”, заведомо обрекающий душу на гибель.

Вот чего требовал “благочестивый” царь в обмен на видное место в своем окружении. И что получил. – Вместе с предательством!

Казнь Басмановых была наказанием за их связи с новгородцами, противниками Грозного. По делу о “новгородской измене” было казнено 14 виднейших опричников. “Те, кто затеял опричный террор, сами стали его жертвами”, – подводит итог историк (Скрынников Р. Г. Третий Рим...)*.

В 1572 году опричнину отменяют. А. Фурсов оспаривает этот факт на том основании, что об отмене сообщали иностранные источники. Но о том же говорят факты – земли, переданные ранее опричникам, возвращают их владельцам. Кроме того, царь велел “подобрать жалобы” на преступления опричников (там же).

Об этом Фурсов не говорит ни слова. Так же как и о второй опричнине – 1575–1576 годов. Понятно: такое “инструментальное” использование опричнины камня на камне не оставляет от тезиса Фурсова об ее “онтологичности”. Какой же это извечный признак русской истории? Скорее, режим ЧС.

Между тем, со второй опричниной связан драматический казус русской истории – возведение на московский престол татарского царя Симеона Бекбулатовича.

* Показательна судьба внука Алексея Басманова – Петра, достойного продолжателя опричного рода. Деятельный, подобно отцу и деду, служака, он сделал быструю карьеру при Борисе Годунове. Перед смертью Борис назначил Басманова вторым воеводой войска, направленного против Лжедмитрия. Фактически вручил ему судьбу страны и собственного сына – подростка. Однако Басманов вступил в тайные сношения с самозванцем и перешел на его сторону вместе с войском. Что предопределило падение Москвы. Историк поясняет: “Сын знаменитого опричника, он был всецело поглощен собственной карьерой и плохо помнил благодеяния” (Скрынников Р. Г. Самозванцы в России в начале XVII века. Новосибирск. 1987). Через год его вместе с Лжедмитрием убили восставшие москвичи. Так оборвался род, поднявшийся на крови и предательстве и в них же захлебнувшийся.

Я всегда недоумевал – зачем понадобилась Грозному эта садистская инверсия? Первое побуждение очевидно: еще больше унижить и напугать русских. Давно ли они окончательно освободились от татарского ига? Всего-то чуть больше полувека назад – при деде Грозного Иване III. И вот – татарин на московском столе.

Но даже такой эксцентричный правитель, как Иван, не мог производить столь значимые перемены лишь из желания досадить подданным.

Историки разъяснили: царь, опасаясь заговоров, решил снова ввести опричнину. Однако по закону он не имел на это права без санкции Боярской думы. А после казней первой опричнины было бесполезно даже обращаться к ней с такой просьбой. И Грозный проводит многоходовую комбинацию: отрекается от трона, передает власть Симеону и просит у него разрешения выкроить себе “удел” и “перебрать людишек”. Но – внимание! – в удел попадают не те земли, что были в первой опричнине. Скрынников комментирует: “Отбор земель в удел выразил недоверие царя к бывшим опричникам” (Скрынников Р. Г. Третий Рим...).

Вот мы и подошли к дилемме, встающей перед создателями всех “чрезвычайек”. Опираясь на них в борьбе с оппозицией, властители оказываются в опасной зависимости от своего сомнительного окружения. Склонного, как выясняется, к измене не менее (если не более) простых подданных. Тогда для контроля над первой “опричниной” приходится создавать вторую и т. д. Так поступил Петр, продублировавший карательные функции гвардии созданием ведомства Генерального прокурора (“ока государева”). Так поступил Ленин, в конце жизни призвавший установить рабочий контроль над ЦК и ЧК. Ту же линию проводил Сталин, искусно разжигавший соперничество между МВД и МГБ (арест министра МГБ В. Абакумова в 1951 году и опала Берии в начале 1953-го*).

Но смерти “красных вождей”, последовавшие сразу после того, как они попытались проконтролировать контролеров, так же как и скоропалительная отмена второй опричнины за четыре века до этого, показывают: в эти игры нельзя играть до бесконечности. В какой-то момент ситуация взрывается!

“Ибо гневом и властью не соберешь малых сих...” – это не только итог размышлений великого знатока московского периода русской государственности Дмитрия Балашова (Балашов Дмитрий. Собр. соч. в 6 тт. Т. 4, М., 1992). Это вывод, подсказанный самой русской историей. Все попытки круто изменить ее или, напротив, круто затормозить заканчивались крахом.

Об этом стоило бы помнить и нашим нынешним правителям. Они болезненно реагируют на любую оппозиционную активность. Ужесточают ранее принятые законы и в спешном порядке штампуют новые. Но, по справедливому замечанию депутата Госдумы от КПРФ Коломийцева, “если вы доведете людей до последней черты, то они никаких заявок... делать не будут. А возьмут вилы и вынесут и “наших”, и ваших, и всяких других” (“Коммерсантъ”, 12.07.2010).

Роковая ошибка – все большее усложнение и “утяжеление” вертикали. “Иное устройство рухнет от собственной тяжести, – будто подсказывает Дм. Балашов из глубины истории, – и не дай Боже нам такой, подавляющей все живое, силы власти на нашей земле” (там же).

В этом убеждает изучение опричнины и других “чрезвычайек”. Способствуя решению одних проблем (централизация государства при Грозном, модернизация при Петре и большевиках), они обостряли, а зачастую и создавали другие. Прежде всего раскалывали страну, что неизменно приводило к Смуте.

Особенно опасно предпринимать резкие действия в нынешней ситуации, когда тормоза отказали. “Грозные” декларации в сочетании с фактической утратой управляемости могут вызвать обратный эффект. Спровоцировать очередную Смуту.

(Окончание первой части)

* Авторханов А. Загадка смерти Сталина. – “Новый мир”, № 5, 1991.